

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ПОЭТА И ПРОБЛЕМА ТРАНСФЕРА: НЕМЕЦКАЯ МОНОГРАФИЯ К. ФОН ЗЕЙДЛИЦА О В.А. ЖУКОВСКОМ

Статья подготовлена при поддержке РГНФ (исследовательский проект № 07-04-00052а).

Подробно описывается монография Карла фон Зейдлица на немецком языке «Wasily Andrejewitsch Joukoffsky. Ein Russisches Dichterleben» (Mitau, 1870), содержательно соответствующая его знаменитой работе «Жизнь и поэзия В.А. Жуковского», вышедшей тринадцатью годами позже. Впервые представлена характеристика добавлений и расхождений двух исследований, намечены их причины и значение. Выявляется особый метод д-ра Зейдлица – метод трансфера, который стал традиционным в последующих работах о жизни и творчестве Жуковского.

Ключевые слова: художественный перевод; русско-немецкие литературные связи; жизнеописания В.А. Жуковского.

«Воспоминание и я – одно и то же», «жить, как пишешь», «Жизнь и Поэзия – одно» – романтические принципы жизнестроения, декларативно провозглашенные В.А. Жуковским в этих тождествах, определили метод большинства его биографов, критиков, литературоведов и специфику его жизнеописаний.

С одной стороны, самые яркие и известные жизнеописания поэта представляют собой художественные произведения, совокупность которых можно назвать мифологией личности Жуковского, где продукты творчества и образ творца слиты в единую мифосистему. Его житетворчество регулярно «переписывалось» – важнейшие вехи в истории русскоязычного дискурса о Жуковском, поэте и человеке, составляют труды П.А. Плетнева («Жизнь и сочинения В.А. Жуковского», 1853), К.К. Зейдлица («Жизнь и поэзия Жуковского», 1883), Л. Поливанова (П. Загарин «В.А. Жуковский и его произведения», 1883), А.Н. Веселовского («В.А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1904), Б.К. Зайцева («Жуковский», 1951) и др. Метод ученых очевиден в большинстве случаев уже из заглавия, нераздельно и неслиянно представляющего личность и творчество. В этот же ряд следует включить менее известную немецкоязычную монографию русского поэта-символиста, переводчика, литературного критика конца XIX – начала XX в. Л. Эллиса, который с 1911 г. жил в Германии и большую часть своей жизни посвятил пропаганде русского православия, литературы и культуры в Европе. Пожалуй, самый грандиозный из его замыслов – создание трехтомного исследования на немецком языке «Золотой век русской поэзии» («Das goldene Zeitalter der russischen Poesie»), к сожалению, до сих пор не привлек к себе должного внимания литературоведов. Первый том масштабной, посвященной «духовному учителю» Эллиса Вл. Соловьеву, работы – о В.А. Жуковском, второй – о А.С. Пушкине, третий том должен был быть о М.Ю. Лермонтове и «золотом веке» русской критики. Автору не удалось полностью воплотить свой проект. В свет вышли только две первые части исследования: «В.А. Жуковский. Личность, жизнь и творчество» (Падерборн, 1933) и «Александр Пушкин. Религиозный гений России» (Ольтен, 1948).

Монография Зейдлица была первой в этом ряду и опосредованно вошла в каждое последующее жизнеописание поэта. Так, она стала скрытым объектом полемики в другой не менее известной книге о Жуковском, написанной А.Н. Веселовским. По верному заме-

чанию исследователей, «А.Н. Веселовский идет вслед за Зейдлицем, усиливая и расставляя свои акценты» [1], Веселовский утверждал свою концепцию всеми силами, в том числе и «переписывая» и, таким образом, переосмысливая книгу Зейдлица» [2].

С другой стороны, подход к текстам поэта сквозь призму его личности, ставшей знаковой для культурно-исторического развития России, является одним из самых продуктивных в современных работах о Жуковском: см., например, из новейшей работы И.Ю. Виницкого, в которых автор открывает те же неочевидные на первый взгляд, не всегда осознанные самим поэтом, но прочные связи его поэтических образов не только с его биографией, но с жизнью целой эпохи и историческими событиями мирового масштаба. Так, процесс и результат перевода «Одиссеи» предстает благодаря вышеупомянутой методологической точке зрения как «Теодисея» Жуковского и целой культурно-исторической эпохи Европы [3. С. 235–261], а «Овсяный кисель» – не до конца понятой современниками идиллией, синтезирующей куртуазный, литературно-бытовой и нравственно-назидательный смыслы во имя высшего примиряющего религиозного поучения [3. С. 29–69].

Основоположником данного метода в изучении является, безусловно, первый биограф Жуковского Карл фон Зейдлиц (русское имя – Карл Карлович Зейдлиц), написавший в 1860-х книгу, судьба которой в России была непростой: по совету заведующего кафедрой русской словесности Дерптского университета А.А. Котляревского он вынужден был сократить свой труд до очерка, опубликованного в «Журнале Министерства Народного Просвещения» за 1869 г. Тогда Зейдлиц принял решение выпустить полный вариант по-немецки: в 1870 г. в Митау выходит книга «Wasily Andrejewitsch Joukoffsky. Ein Russisches Dichterleben», и только через 13 лет публикуется монография «Жизнь и поэзия Жуковского». В силу того что рецепция русской книги абсолютно затмила отклик на немецкую, последняя не получила достойной оценки и до сих пор мало известна в науке о литературе.

Цель данной работы – описать немецкую монографию Зейдлица как самостоятельное сочинение, впервые открывающее европейскому миру масштаб личности и творчества русского поэта, а также выявить типологию и возможные причины расхождений с широко известной русскоязычной книгой доктора Зейдлица о Жуковском.

Прежде всего обратимся к неординарной фигуре самого биографа. Русская художественная словес-

ность – далеко не главное его занятие. Ко времени работы над книгой в память о Жуковском Зейдлиц был широко известен как практикующий доктор и автор многих работ по медицине, касающихся болезней глаз, сердца, мозга; медицинской истории турецкого военного похода и др. И хотя после выхода книги о Жуковском его интересы обратились также к эпистолярной летописи эпохи и сам Зейдлиц обрел образ ближайшего друга Жуковского, главного свидетеля и поверенного «романа его жизни», в историю российского образования он вошел, главным образом, как основатель кафедры академической терапевтической клиники Санкт-Петербургской медико-хирургической академии [4].

Немецкая книга д-ра К. фон Зейдлица о жизни и творчестве В.А. Жуковского значительно отличается от

Эпиграф

Seines Liedes Klang

Hat Tausende erweckt, entflammt, begeistert;

In Tausenden lebt sein Gedanke fort!

Und mag in Aacht, was irdisch ist, entgleiten,

Du hast gelebt und lebst für alle Zeiten,

Denn nie verhallt des ächten Dichters Wort!¹ [5].

В этих словах заключается не только квинтэссенция судьбы Жуковского-стихотворца, внимания заслуживает хронотоп изгнания поэта («in Aacht» – в опале, изгнании), под знаком которого выстраивается повествование Зейдлица о последнем, заграничном периоде жизнетворчества Жуковского. В свою очередь, русский поэт, как это ему было свойственно, осознавая созвучие образа португальского поэта Камозэнса собственному пути, переводит драму Гальма, акцентировав высокое духовно-религиозное предназначение поэта. Мотив изгнания, трагедия горячего патриота, вынужденного провести долгие годы вне родины, отходит в переводе Жуковского на второй план, в нем мы не найдем эквилинарного соответствия вышеприведенным стихам, Зейдлиц во главу биографии русского поэта ставит именно этот фрагмент.

Во-вторых, немецкое издание снабжено более подробными прологом и эпилогом, а также приложением, отсутствующим в русском варианте. Первые же строки предисловия Зейдлица знакомят читателя с масштабом личности Жуковского, рассказывают о его роли в царской семье, раскрывают актуальность его жизнеописания для всей образованной Европы:

Die Biographie Wasily Andrejewitsch Joukoffsky's hat nicht nur für Russland, sondern wohl auch für das gebildete Europa ein doppeltes Interesse: einmal, weil sie das Dichterleben des ausgezeichnetsten Russischen Lyrikers darstellt, der einen anerkannt mächtigen Einfluss auf die Russische Literatur gehabt hat; und zweitens, – weil sie uns einen Blick in das ideale, edle, reine Gemüt desjenigen Mannes tun lässt, welchem die Erziehung unsers gegenwärtigen Kaisers Alexander II. anvertraut war, und welchem das ganze Kaiserhaus eine, ich möchte sagen, an kindliche Pietät grenzende Liebe weihte. Wer nur gewohnt ist, die glänzenden, lärmenden Begebenheiten an einem Hofe bei Beurteilung der Charaktere, der Gesinnungen der Glieder eines Fürstenhauses in Betracht zu ziehen, der übersieht gar zu gern die stille, unscheinbare Wirkung, welche ein Geliebter, ein geachteter pädagogischer Freund auf die jugendliche Seele seines Zöglings gehabt haben mag (Vorwort, S. 1).

(Биография Василия Андреевича Жуковского представляется огромный интерес не только для России, но, пожалуй,

русского варианта. И эти расхождения далеко не случайны. Нельзя утверждать, что автор имел талант к иностранным языкам, русскому и французскому Мария Андреевна Мойер стала обучать его, когда ему было уже более 20 лет [4. С. 59]. То есть по вполне объективным причинам русская книга несет на себе отпечаток ни одной редакторской правки. Однако отличия двух книг определенно не исчерпываются лингвокультурологической разницей.

Во-первых, изданию, напечатанному в частной типографии Рудольштадта, предпосылается отсутствующий в русской книге эпиграф, взятый из поэмы Ф. Мюнх-Беллингхаузена (Ф. Гальма) «Камозэнс», поставленной впервые в 1837 г., изданной в 1838 г.:

Подстрочный перевод

Его песни звучание

Тысячи разбудило, воодушевило, вдохновило;

В тысячах продолжает жить его мысль!

И может в изгнании земного избегнуть,

Ты жил и жив во все времена,

Ведь никогда не умолкнет настоящего поэта слово!²

также для всей образованной Европы: во-первых, потому что она представляет описание жизнетворчества виднейшего русского лирика, который, как известно, имел мощное влияние на русскую литературу; а во-вторых, потому что она позволяет нам взглянуть на идеальную, благородную, чистую душу того человека, которому было доверено воспитание нашего нынешнего императора Александра II и к которому, хочу заметить, весь царствующий дом испытывал любовь, граничащую с детским преклонением. Кто наблюдал яркие, шумные события при дворе при оценке характеров, убеждений членов царствующего дома, тот охотно отметит тихое, невидимое влияние, которое оказывал любимый, уважаемый педагог и друг на юную душу своего воспитанника.)

Доктор Зейдлиц описывает отношения Жуковского с каждым из царствующего дома и заключает: «...und so begegneten sich in dem Freunde und Lehrer des Hauses alle Mitglieder desselben in gleicher Liebe» (так все члены царской семьи были одинаково любимы другом и учителем). В финале рассказа об отношениях поэта с членами царской семьи Зейдлиц указывает на необходимость изучения переписки этих корреспондентов, которая, как он полагает, непременно осуществится по любезному разрешению сына поэта Павла Васильевича. В русском варианте книги мы находим только заключающий вступление автора (имеющийся и в оригинале) завет о полной публикации переписки с А.П. Елагиной, в которых «русская литература получит истинное для себя обогащение». Немецкое предисловие датировано 1870 г., а русское – 31 декабря 1868 г., в то время как самый полный вариант основного текста на немецком был опубликован на 13 лет раньше русского. Здесь же, во вступительной статье, автор указывает на отличия немецкой работы: в русском варианте он, насколько это возможно, очистил свое сочинение от «субъективных суждений и мнений», наполнил его цитатами из поэзии и эпистолярия Жуковского; в немецком оставил из них только самое существенное («allein Wesentliches habe ich nicht bei Seite gestellt»).

Действительно, в немецкой монографии Зейдлиц более субъективен, точнее, однозначно категоричен

по отношению ко многим персонам и событиям из личной жизни Жуковского. Например, повествование о контактах поэта с Н.В. Гоголем проникнуто буквально личной досадой автора, образ Гоголя

представлен здесь с вполне конкретной отрицательной коннотацией; Зейдлиц не выбирает выражений и не связывает себя рамками официально-делового стиля. Сравни:

K. von Seidlitz

«Ein Russisches Dichterleben»

...leider geriet er in dieser Zeit an Gogol, der durch seine *poetischen Extravaganzen* ihn *sympathetisch* anzog, aber mit seinen höchst unklaren, religiösen Begriffen, die ihn zu einer *religiösen Monomanie* führten, ihm keine Hilfe gewähren konnte. Er *schürte in unserm armen Freunde* nur noch mehr das *verzehrende Feuer* der Unzufriedenheit mit sich selber, des Glaubens an der eigenen Sündhaftigkeit an <...> (231–232).

Перевод

(...к сожалению, в это время он сошелся с Гоголем, который *симпатетически* привлек его своими *поэтическими сумасбродствами*, однако своими в высшей степени неясными религиозными представлениями, *которые привели его к религиозной моноμανии*, он не мог ему помочь. Он только еще сильнее *разжигал в нашем бедном друге изнуряющий огонь* недовольства самим собой, веры в собственную греховность <...>)

К.К. Зейдлиц

«Жизнь и поэзия В.А. Жуковского»

В это же время он сошелся с Гоголем, которого тревожили тоже религиозные сомнения. Малообразованный, с спутанными воззрениями на веру, Гоголь не мог внести успокоение и ясность в душу Жуковского. Всё больше и больше впадая в мистицизм, он возбуждал и в поэте один внутренний разлад и внутреннее недовольство [6. С. 247].

Курсивом выделены фрагменты, отсутствующие в русском тексте. Данные характеристики придают повествованию яркий субъективный оттенок, выражают личное участие, выделяют отношение рассказчика к собственному сообщению: «leider» («к сожалению»), «sympathetisch» («симпатетически»), «poetischen Extravaganzen» («поэтическими сумасбродствами»), «in unserm armen Freunde» («в нашем бедном друге»). Немецкоязычный дискурс в отличие от нейтрального русского стилистически окрашен, история о Жуковском наполнена поэтичными метафорами, в данном случае, например: «schürte das verzehrende Feuer der Unzufriedenheit» («разжигал изнуряющий огонь недовольства»). Такое видение ситуации, точнее свое негативное представление фигуры Гоголя и его роли в судьбе Жуковского Зейдлиц обосновывает в сноске, как будто бы содержащей доказательный реальный комментарий:

«Gogol starb Anfang 1852 wörtlich verhungert, nachdem er Tage lang auf den Knien vor den Heiligenbildern betend hartnäckig Speise und Trank von sich gewiesen. Aus Jerusalem hatte er an Joukoffsky (1849) eine Beschreibung der Örtlichkeit schicken sollen. «Ich kann Nichts darüber sagen, ich habe, so gut es gehen wollte, für mich gebetet, und, für Sie zu beten, denen aufgetragen, die's besser als ich verstehen» (231).

(Гоголь умер в начале 1852 практически от голода, после того как он, некоторые дни, простаивая на коленях в молитвах перед иконами, упорно отказывался от еды и питья. Из Иерусалима он послал Жуковскому (1849) такое описание местности: «Я ничего не могу сказать об этом, я молился за себя, и должен был молиться за Вас <...>»).

Конечно, в русской книге автор не мог позволить себе подобной модальности – издание имело иной пафос и иной, «официальный», статус. Это была не личная инициатива друга, но посвящение к 100-летию поэта, сопровождаемое предисловием и приложением издателей. В немецкой монографии Зейдлица поэзия Жуковского намного теснее, чем в русской, сплетена с биографией поэта и самого автора. Авторское Я организует более смелый немецкий нарратив Зейдлица, проникнутый собственными убеждениями и сомнениями, например в отношении «Агасфера» Жуковского:

Ganz dunkel bleibt uns aber, auf welche Weise Joukoffsky den Widerspruch hat lösen wollen, dass Ahasverus, nachdem er getauft worden, nachdem er als völlig bekehrter reuiger Sünder mit Johannes das Abendmahl genossen, doch noch nicht befreit

worden konnte von dem über ihn ausgesprochenen Fluche der ewigen Wanderschaft auf der Erden (233).

(Однако совсем неясным для нас остается то, каким образом Жуковский хотел разрешить противоречие, когда Агасфер, после того как он был крещен, после того как он как полностью обращенный раскаявшийся грешник сотрапезничал с Иоанном, не получает свободы от предначертанного ему проклятия вечного странничества на земле.)

На первый взгляд, главная причина такой модальности немецкой книги может заключаться в различии целевой аудитории, однако это не так. Зейдлиц адресует ее в равной степени немецкому и русскому читателю: «Wenn ich durch diese Skizze des poetischen Lebens Joukoffsky's bei seinen Landsleuten eine richtige Würdigung ihres wirklich echten Dichters angebahnt haben sollte, so wäre der Zweck meiner Schrift erreicht (233) (Если мне этим наброском поэтической жизни Жуковского удалось положить начало заслуженному признанию их действительно настоящего поэта в кругу его соотечественников, то цель моего труда достигнута.) Думается, в данном случае мы имеем дело скорее с двумя разными жизнеописаниями: немецкую монографию можно назвать мемуарами д-ра Зейдлица, без претензии на научность. Русская монография имела иной информационный повод – 100-летие со дня рождения Жуковского. Потому такая констелляция фигур в нарративе вполне естественна, да и сам автор более свободен и раскрепощен, изыясняясь на родном языке. Подтверждением данного наблюдения может служить оригинальный яркий пассаж, в котором фигуры Жуковского и Зейдлица сливаются в одном хронотопе университетских времен в Дерпте и в характерном поэтическом дискурсе последнего:

«in beiden <“an den Greis” und “Theon und Eschin”> liegt für mich ein tiefer Sinn. Der Untergang der Sonne nimmt sich vom Dom bei Dorpat so schön aus; Ewers pflegt oftmals dahinauf zu steigen, um den Untergang der Himmelsleuchte zu bewundern. Der Sonnen-Untergang, von einem Greise bewundert, dessen Leben geheiligt gewesen, hat etwas so sehr Erhabenes – Welch' ein schönes Bild! Soviel zur Erklärung der Stellen in meinem Gedichte, wo ich vom Sonnen-Untergange und dem symbolisch mir vom Greise erteilten Segen spreche und wo es heißt:

“Welch' süße Glut hat meine Brust durchzuckt,
Als deine Hand die meine freundlich drückte!”

“Nicht trauern, wenn die Gegenwart missfällt;

In Ruhe warten und an Gott gedenken;
Den flücht'gen Augenblick – dem Schönen schenken,
Das Künftige – dem Himmel anvertraun;
Was dunkel hier – dort werden wir es schaun!
Was immer auch der Gute hier verloren –
Das andre Leben gibt es ihm zurück!"

So denkt – wen Ewers sich zum Bruder auserkoren» (68).

(В обоих <стихотворениях «К старцу Эверсу» и «Теон и Эсхин»> заложен для меня глубокий смысл. Закат солнца занимается перед собором под Дерптом очень красиво; Эверс имел привычку подниматься в гору, чтобы восхититься заходом небесного светила. Закат солнца, наблюдаемый стариком, жизнь которого была святой, имеет в себе что-то очень возвышенное – какой прекрасный образ! Достаточно для объяснения моего стихотворения, где я говорю о закате солнца и символически о данном мне стариком благословении:

«Что за сладкий жар пронзил мою грудь,
Когда твоя рука пожала дружественно мою!»
«Не печалиться, если не нравится настоящее;
В покое ждать и о Боге помнить;
Преходящий миг – прекрасному дарить,
Будущее – небу доверить;
Что здесь темно – там мы увидим!
Что добрый потерял здесь –
Другая жизнь ему вернет!»
Так мыслит – (тог,) кого Эверс избрал братом».)

Стихотворение Зейдлица, посвященное профессору Дерптского университета Лоренцу Эверсу, благодаря которому он познакомился с Жуковским, содержит константные образы эстетики Жуковского: романтическую оппозицию «здесь» и «там», принципы «доверия на Бога», смирения, стремления к внутренней гармонии («душа» Жуковского); текст Зейдлица имеет такой же призывный, побуждающий тон, морально-назидательный пафос, как будто вторит известному стихотворению поэта об Эверсе. Таким образом, немецкая книга включает фрагменты автобиографии ее автора; в ход жизненных событий Жуковского Зейдлиц включает позитивный и вносит негативный трансфер – переносит на себя эмоции и чувства поэта, применяет его картину мира, домысливает его страхи и тревоги.

Goethes Worte

Fließe, fließe, lieber Fluss,
Nimmer werd' ich froh:
So verrauschte Scherz und Kuss
Und die Treue so.
Ich besaß es doch einmal,
Was so köstlich ist!
Dass man doch zu seiner Qual
Nimmer so vergisst! etc.

(Жуковский покинул Дерпт в январе 1818. На прощание он перевел песню Гёте: «Утешение в слезах», которое Вейраух положил на музыку. Второе, также из Гёте, ха-

Слова Гёте

Теки, теки, милый поток,
Никогда больше я не буду счастлив:
Так умчались веселье и поцелуй
И верность также.
Я обладал этим все же однажды,
Тем, что так ценно!
Чтобы все же к своей муке
Никогда не забыть! и т.д.

Зейдлиц частично или полностью, но всегда точно переводит на немецкий язык более 80 писем, принад-

Еще одна особенность, отличающая «Dichterleben», связана с необходимостью цитирования русских текстов Жуковского, большинство из которых, как известно, восходят к немецким оригиналам. Эту проблему Зейдлиц решает несколькими способами. Во-первых, он выбирает лучших переводчиков Жуковского из ему известных. Таковыми он справедливо считает дерптских друзей А.-Г. Вейрауха и К. фон дер Борга, отрывки из их переводов встречаются в книге (например, «Песня» («Мой друг, хранитель-ангел мой») дается в пер. Вейрауха С. 34–35; «Громобой» – в пер. Борга, С. 40–41). Переводы последнего он рассматривает в ряду конгениальных, ср. комментариев к «Громобой»:

Es gehört dieses Gedicht zu den schönsten, jugendfrischesten romantischen Erzeugnissen Joukoffsky's, das nur von einem Dichter gleichen Talents in's Deutsche würdig wiedergegeben werden könnte. Joukoffsky entfaltet eine Pracht, einen Reichtum malerischer Beschreibungen, welche an Verschwendung grenzen (41).

(Это стихотворение принадлежит к прекраснейшим, юным романтическим творениям Жуковского, которое могло быть передано достойно на немецком языке только поэтом равного таланта. Жуковский раскрывает великолепие, богатство живописных описаний, которые почти исчезли.)

Однако большинство переводов эпистолярной прозы и поэзии Жуковского принадлежит самому Зейдлицу. Полностью он переводит только четверостишие «Воспоминания» (217–218). Остальные поэтические тексты даются в пересказе с цитированием нескольких стихов по-немецки. Желание продемонстрировать автобиографизм переводов Жуковского обуславливает появление в немецкой книге интересных фрагментов, которые по понятным причинам не были включены в русский монографию, где они были бы неуместны:

Joukoffsky verließ im Januar 1818 Dorpat. Zum Abschied übersetzte er Goethes Lied: «Trost in Tränen», zu welchem Weyrauch die Musik setzte. Ein zweites, gleichfalls nach Goethe, charakterisiert grade durch die Veränderungen, welche Joukoffsky mit dem Originale vorgenommen, seinen Gemütszustand. Es ist das «Lied an den Mond»:

Joukoffsky's Worte

Ström' ins Weltmeer, du mein Fluss!
Leben ist verblüht!
Selbst die Hoffnung ist dahin
Mit der Lieb' geschwunden.
Ach! Ich nannte es ja *Mein*,
Was so köstlich war!
Was ich nie vergessen kann,
Wenn ich scheiden muss! etc. (100)

рактизуется изменениями, которые Жуковский принял в отношении оригинала, его состояние души. Это «Песнь к Луне»:

Слова Жуковского

Стремись в мировое море, ты, мой поток!
Жизнь отцвела!
Даже надежда там
С любовью исчезла.
Ах! Я называл это своим,
Что было так ценно!
Что я никогда забыть не смогу,
Если я должен расстаться! и т.д.

лежащих перу В.А. Жуковского, М. Протасовой, А. Елагиной, Е. Рейтерн, Карамзина, Гоголя, Ал. Тур-

генева и др. Немецкое издание, в отличие от русского, включает в себя полные сведения о переписке В.А. Жуковского с юным вел. кн. Константином Николаевичем, воспитателем которого Жуковский не мог выступать непосредственно и потому занимался воспитанием цесаревича в письмах. Зейдлиц в подтверждение своей мысли о приводит первое письмо Жуковского Константину Николаевичу от 17 ноября 1840 г., в котором он объясняет вел. князю, что такое стиль и что стиль письма раскрывает человека, учит его писать письма и «быть человеком», демонстрируя в своем послании образец того самого «стиля» (169). Во втором письме от 10 (22) декабря 1840 г., которое также приводит Зейдлиц, Жуковский наставляет своего юного корреспондента не только признавать, но и исправлять свои ошибки как в письме, так и в жизни, чтобы быть достойным называться не только царем, но человеком (170). И далее Зейдлиц прослеживает ставшие дружескими отношения поэта и цесаревича, приводя однако те фрагменты писем от 29 декабря 1840 г., 28 декабря 1841 г., которые содержат прямые наставления Жуковского-воспитателя о том, как должно царю вести себя и вести Россию (172–173). Наконец, эта история в письмах завершается Зейдлицем публикацией перевода резкого письма Жуковского к Константину Николаевичу от 21 октября (2 ноября) 1845 г. о неприемлемости его мечтаний о военной славе и о походе на Царьград, которые он питал некоторое время после поездки в Константинополь: «Russland braucht keine Eroberungen à la Napoleon! Das mögen Sie bedenken, wenn Sie Ihren Schnurrbart drehen!» (195) (России не нужны завоевания à la Napoleon! Помните об этом, когда будете крутить свои усы!) В русском издании монографии о Жуковском эти письма, как и комментарии автора, не могли быть включены, очевидно, по цензурным соображениям, поэтому Зейдлиц совсем исключил потенциально компрометирующий сюжет о переписке поэта и вел. князя (к моменту публикации русского варианта «Dichterleben» вел. кн. Константину Николаевичу было за 50).

Принципиально важным является приложение к немецкой книге – хронологический указатель произведений Жуковского, в котором астериском отмечены «произведения оригинальные или полностью переработанные стихотворные переводы». Этот список включает в себя 284 указания, из них оригинальными признается 176, переводами – 108 поэтических сочинений, из текстов эпистолярного жанра особо выделяются «Письма французского путешественника» (1803), «Письма из Саксонской Швейцарии» и письма из Швейцарии (1821), письма к Стурдзе (1835, 1849), к великой княжне Марии Николаевне (1839), письма из Франкфурта-на-Майне (1840), письма к императрице Александре Федоровне (1842), об «Одиссее» (1843), к Смирнову (1845), Гоголю (1847), Пашкевичу (1848).

Так, в зрелом творчестве Жуковского (1830–1850-е гг.) Зейдлиц предлагает считать переводными – «Одиссеею», «Илиаду» (оба варианта), только некоторые (не все) тексты из Шамиссо («Маттео Фальконе», «Две повести», «Выбор креста»), из Грея («Сельское кладбище») и Гебеля («Воскресное утро в деревне», «Неожиданное свидание»), Цед-

лица («Ночной смотр») и Шиллера («Элевзинский праздник», «Бой с драконом» и «Суд Божий»), Гёте («Орел и голубка»), из Уланда («Замок на берегу моря»), «Нормандский обычай», «Братоубийца», «Рыцарь Роллон», «Плавание Карла Великого») и Гердера («Сид»). Остальные творения помечены астериском, т.е. являются, по версии автора, оригинальными.

В классификации д-ра Зейдлица преобладают «оригинальные» тексты Жуковского, имеющие в действительности конкретную, известную немецкоязычную основу, что свидетельствует о желании достаточно высоко оценить Жуковского-поэта. О Жуковском-переводчике Зейдлиц высказывается также в превосходной степени, подчеркивая верное понимание именно немецкой литературы и языка, указывая читателю немецкой книги на его роль в русско-немецких культурных связях:

«Seit seinem Aufenthalte in Dorpat hat er vorzugsweise Deutsche Gedichte übersetzt <...>; aber er sprach, wenn auch nicht geläufig, doch richtig Deutsch und fühlte, was mehr sagen will, den Genius in unsern Dichterwerken oftmals besser heraus, als selbst mancher Deutsche – das beweisen alle seine Übertragungen ins Russische» (69).

(Со времени своего пребывания в Дерпте он стал переводить преимущественно немецкие стихотворения <...>, но он говорил по-немецки если не бегло, однако же верно, и чувствовал, что важнее, дух наших поэтических произведений зачастую даже лучше, чем иной немец – это доказывают все его переводы на русский язык.)

Зейдлиц завершает основную часть своего труда также поэтически – четверостишием Жуковского в собственном переводе, с точки зрения автора, автобиографическим, как и все тексты романтика.

Таким образом, характер расхождений немецкой и более поздней русской версий описания жизнетворчества Жуковского отвечает различию коммуникативных задач изданий; различные модальности авторского нарратива обусловлены спецификой культуры и общей фоновой информации подразумеваемой целевой аудитории (что заявлено в самом заглавии «Ein **Russisches** Dichterleben»). Субъективная позиция сопричастности, ярче и очевиднее выраженная в немецкой книге, придает ей характер мемуаров д-ра Зейдлица и вызывает большее доверие и интерес эвентуального европейского (немецкоязычного) читателя. С другой стороны, роль Жуковского в культурно-исторической жизни своей страны обозначается более объективно, сквозь рассказы Зейдлица красной нитью проходит неприкрытая, схожая с негодованием мысль о недооцененности этой фигуры.

Д-р Зейдлиц предвидел в 1870 г. трудные моменты в судьбе наследия поэта, свое сочинение он завершает неоднократно звучащим в книге и до сих пор актуальным заветом: «Sein **Briefwechsel** und viele **Originalgedichte** erwarten noch ihren Sammler und Herausgeber»³. (Его переписка и многие оригинальные стихотворения еще ожидают своего собирателя и издателя.) Раскрывающийся в полной мере в немецкой книге К. фон Зейдлица трансфер, эмпатия, или со-переживание, при обращении к наследию В.А. Жуковского стали неписанным законом большинства последующих работ о нем и имплицитной частью жуковсковедения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Далее немецкий текст Зейдлица цитируется по данному изданию, номера страниц указываются в скобках.
² Перевод с немецкого здесь и далее мой. – *Н.Н.*
³ Выделение полужирным принадлежит К. фон Зейдлицу.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вуич Л.* «Верный друг живым и мертвым» доктор Зейдлиц // Наше наследие. Режим доступа: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/6914.php>
2. *Киселева Л., Степанищева Т.* К источникам книги Веселовского о Жуковском (К. Зейдлиц) // Журнальный зал. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/2007/6/kis5.html>
3. *Виницкий И.Ю.* Дом толкователя: поэтическая семантика и историческое воображение В.А. Жуковского. М., 2006.
4. *Пупкевич-Диамант Я.С., Кузнецов И.А.* Карл Карлович Зейдлиц и его время. СПб., 2003.
5. *Seidlitz K.* Wasily Andrejewitsch Joukoffsky. Ein Russisches Dichterleben. Mitau, 1870.
6. *Зейдлиц К.К.* Жизнь и поэзия В.А. Жуковского. СПб., 1883.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 26 ноября 2008 г.